

Известия, 1999, 9 мая, —

«МОЕ С.3»

ПОСЛЕДНЕЕ ТАНГО»

— снят документальный
фильм о Центре Лещенко

Марина МУРЗИНА,
«Известия»

«Мое последнее танго» — именно так, с ударением на «о», как и в известной песне из репертуара Петра Лещенко 30—40-х годов, называется этот фильм. Приглушенный треск патефонной иглы, и звучит лещенковский голос, со слегка подчеркнутым мягким «ч» и словом «любовь» без мягкого знака в конце, и — не «дни золотые», но — «золотья»... Этот голос в предвоенные и военные годы знали, кажется, все. Под этот голос знакомились и влюблялись, танцевали, уходили на фронт, ждали, расставались, возвращались...

Лещенко арестовали в Румынии, где он жил, «держал» ресторан, уже после войны. Он умер в лагере, могилы его нет. На долгие годы певец оказался забытым. Он пел перед генералами и дипломатами, но имя его странным образом было почти запретным. А когда однажды на концерте он заговорил о Родине, ему крикнули из зала: «Ты ее продал!» Он ничего не ответил — он спел «Тоску по родине». В фильме «Тоску по родине» поет не Лещенко — ее поет седой человек, фронтовик, под гитару, в память о Лещенко, о котором говорит с такой нежностью и с такой любовью...

Фильм о Лещенко? Не только и не просто о нем, хотя мы увидим и услышим его вдову, Веру Белоусову-Лещенко, его внучку, Кристину Лещенко, живущую в Будапеште и говорящую по-румынски. Это фильм об эпохе, снятый человеком талантливым и, что очень важно, молодым — Татьяной Скабард, снятый с нежностью и любовью к тем, кто в ту эпоху жил и воевал, к тем, кто ушел навсегда. Случайно ли премьера фильма в Доме кино назначена на 9 мая, на День Победы? Но сказать, что этот тихий, нежный и трогательный фильм (мы совсем забыли сегодня эти слова) сделан для военного поколения, неверно: скорее, он — для тех, кто моложе.

«Татьяна, помнишь дни золотые?», «Ах, эти черные глаза», «Любимая, родимая», «Андрюша», «Скажите, почему?» — этими песнями Лещенко с их нехитрыми текстами, «щемящими» мелодиями была озвучена эпоха. И в фильме все сделано очень просто: идут знакомые кадры хроники — возвращение с фронта солдат, белорусский вокзал, цветы, объятия, слезы, а звучат лещенковские «Голубые глаза».

В фильме много хроники — в основном неофициальной, непарадной, частной, и эпоха, и люди в нем поэтому предстают в таком непривычном, «домашнем» обличье. Он и она, оба в военной форме, он дарит ей букет, смущаясь, они разговаривают, улыбаются. Свидание? Расставание? Знакомство? Танцующие пары, и тоже в гимнастерках, и тоже — улыбаются, смеются. Солдаты курят, отдыхают. Медсестра скручивает раненому с загипсованной рукой самокрутку и улыбается. Война? Но ведь это тоже была жизнь, и люди на войне были так молоды, и тоже, наверное, бывали счастливы, хотя бы потому только, что были молоды и так хотели этого счастья...

В фильме, конечно же, много песен. Слушаю, а память, опережая, подсказывает мне слова: эти песни пела моя мама, ушедшая на фронт в семнадцать лет, мама, которой уже нет. А на экране — люди, множество людей, и почему такими родными кажутся их лица? «Пусть очевидцев поколенья сойдут по-тихому на дно, благополучного забвенья природе нашей не дано...»